неоформленные решения, бродил в нем терпкий за гаранжевского учения, тоже это передавалось и Григорию. С соседями по палате говорил мало, некое смятение сквозило в каждом его движении. „Беспокойный“ — так охарактеризовал его заведующий госпиталем, бегло осматривая нервное лицо Григория.

Первые дни Григория лихорадило, лежал на койке, вслушивался в неумолчные звоны в ушах.

В это время и случился этот инцидент. Проездом из Воронежа госпиталь высочайше соизволила посетить особа императорского дома. Уведомленный об этом с утра персонал госпиталя заметался как мыши в горящем амбаре. Раненым беспокойно им вне очереди сменили постельное белье, младший врач даже пытался учить, как ответить особе и как держать себя в разговоре. Эта тревога передалась и раненым, некоторые заранее стали говорить шепотом. В полдень у подъезда рявкнул автомобильный рожок и в сопровождении должного количества свиты в настежь распахнутые двери госпиталя вошла особа. (Вахмистр из раненых, весельчак и балагур, уверял после товарищам, что к моменту приезда именитых посетителей флаг с красным крестом вдруг бурно затрепыхался несмотря на то, что погода стояла безветренная, а на противоположной стороне, на вывеске парикмахерского заведения элегантный завитой мужчина сделал нечто похожее на коленопреклонное движение или реверанс). Начался обход палат.

Особа задавала приличествующие обстановке и ее положению нелепые вопросы, раненые, по совету врача, выпучив глаза больше, чем нужно, отвечали: „точно так, ваше императорское высочество“ и „никак нет“, — с приложением этого же титула. Комментарии к ответам давал заведующий госпиталем, причем вился он как уж вокруг и даже издалека на [illegible]. Царственная особа раздавала иконки. Толпа блестящих мундиров и густая волна дорогих духов надвигались на Григория. Он стоял возле своей койки небритый, худой, с воспаленными глазами; мелкая дрожь острых коричневых скул выдавала его волнение.

„Вот они, на чью радость нас выгнали из родных куреней и кинули на смерть. Гадюки! Проклятые! Душегубы! Вот они, самые главные вши на нашей хребтине... Не за эту ли вытаптывали мы конями чужие хлеба и убивали чужих людей? А поля я по [illegible] А страх? Оторвали от семьи, морили в казарме...“ — клубились в голове его [illegible] ком мыслей. [illegible] злоба